

Вещи из загробного мира оставлять было нельзя.

Они несли в себе густую призрачную ауру, и если оставивший эту лампочку призрак имел злые намерения, она могла привлечь немало нечисти.

Честно говоря, Лу Инцзю редко сталкивался с вещами из загробного мира.

Последний раз это был тот самый призрачный цветок.

Он лёгким движением метнул талисман. Бумажка гибко обвила лампочку и резко сжалась.

Щёлк!

Лампочка взорвалась, осколки посыпались на пол. Коридор погрузился во тьму, лишь вдалеке слабо светился зелёный знак аварийного выхода.

Призрачная аура, исходившая от лампочки, тоже исчезла.

Лу Инцзю ещё раз убедился, что ауры не осталось, наклеил на дверь пару талисманов и вошёл в квартиру.

Кот Молоко тут же подбежал к нему, трётся о ноги. Лу Инцзю насыпал ему корма, почесал под подбородком.

Перед сном он подогрел себе стакан молока и, попивая его, не спеша читал книгу.

За окном шумели от ветра деревья. В комнате, кроме шелеста страниц, не было ни звука. Совсем не так, как когда здесь был Цзин Сянь. Тогда всегда что-то происходило:

Цзин Сянь мог гладить кота.

Цзин Сянь мог поливать цветы.

Цзин Сянь мог рисовать талисманы экзорциста — его письмена всё ещё были ужасны, настолько, что Лу Инцзю не мог смотреть на них второй раз.

Хотя Лу Инцзю уже давно жил один, а Цзин Сянь пробыл здесь всего несколько дней, к этой внезапной тишине он почему-то никак не мог привыкнуть.

Когда книга была почти дочитана, время уже было позднее.

Лу Инцзю погасил свет, лёг в постель и закрыл глаза.

Неизвестно почему, в полудрёме он снова подумал о той лампочке из загробного мира.

...У него было очень нехорошее предчувствие.

На следующий день Лу Инцзю разбудил телефонный звонок.

Сонливость была ещё очень сильной, а телефон назойливо жужжал. Он пошарил рукой по кровати, нащупал его и, не открывая глаз, ответил:

— Алло?

В трубке раздался голос Е Фэна:

— У тебя сегодня есть время?

— У тебя опять заказ? — зевнул Лу Инцзю. — Или вчерашнее дело не решено?

— Вроде того, нужно снова туда съездить. Вот и решил спросить, свободен ли ты.

Обычно Е Фэн не был таким назойливым. Он был профессиональным экзорцистом и вполне мог справиться с заказом сам.

Лу Инцзю мог представить, что происходит с точки зрения Е Фэна: единственный стажёр в его агентстве сбежал из-за низкой зарплаты, и он, Лу Инцзю, снова остался один.

Теперь Е Фэн вдруг решил таскать его с собой, видимо, боялся, что после ухода Цзин Сяня он почувствует себя одиноко.

Лу Инцзю встал, спустился вниз и перед тем, как сесть в машину, купил в круглосуточном магазине булочку на завтрак.

Добравшись до жилого дома, он встретился с Е Фэном.

— Эта старушка снова мне позвонила, — рассказывал Е Фэн, пока они поднимались по лестнице. — Говорит, вчера ночью в коридоре кто-то плакал, подозревает, что мы не до конца изгнали призрака. Честно говоря, если бы я вчера был один, я бы и сам так подумал. Но ты же

был там, тот призрак точно мёртв.

— Повешенный точно исчез. Возможно, призрачная аура привлекла нового духа, — сказал Лу Инцзю. — Такое случается. Вчера у моей двери тоже была нечисть.

— У твоей двери? — удивился Е Фэн. — Да этот призрак, должно быть, в мгновение ока в пепел превратился.

— Призрака я не видел, но он оставил лампочку из загробного мира.

— Какой призрак оставляет лампочки? — рассмеялся Е Фэн. — Уж не призрак ли электрика? Слишком уж добросовестный, даже перегоревшую лампочку заменил.

Придя к старушке, они выслушали её красочное описание ночных событий.

— Вы бы слышали этот плач, жуть берёт! — старушка обмахивалась маленьким веером и качала головой. — Словно ребёнок, уа-уа-уа.

— Вы слышали, плач доносился сверху или снизу? — спросил Лу Инцзю.

Старушка долго думала, морщины на её лице собрались в гармошку.

— Не разобрала, казалось, что плачут по всему коридору. Но если уж совсем точно, то, наверное, сверху.

Тогда Лу Инцзю и Е Фэн начали медленно подниматься, осматривая этаж за этажом.

Было утро, и яркий солнечный свет, пробиваясь сквозь решётки, ложился шестью пятнами им под ноги. На дверях висели праздничные парные надписи: на одной — «Цветы распускаются к богатству», на другой — «Пять благословений входят в дом». Листья деревьев за окном шуршали на ветру, создавая атмосферу умиротворения.

Они шли друг за другом.

На седьмом этаже белая стена лестничной клетки была изрисована граффити.

Шариковой ручкой были нарисованы человечки, домики, дымоходы, кораблики... Сразу видно — детские шалости.

— Вот же невоспитанные дети, — пробормотал Е Фэн.

Лу Инцзю молча рассматривал рисунки.

Через несколько секунд он сказал:

— Отойди подальше и посмотри. Эти линии не напоминают тебе лицо?

Е Фэн отступил на несколько шагов, стараясь не обращать внимания на явные рисунки, и, прищурившись, всмотрелся.

Действительно, смутно можно было разглядеть плачущее лицо.

У него по спине пробежал холодок. Он достал подготовленные талисманы и наклеил их по четырём углам белой стены.

Талисманы вспыхнули.

В коридоре раздался пронзительный до крайности крик!

Как и говорила старушка, это был плач ребёнка.

«Хлоп-хлоп!»

«Хлоп-хлоп!»

Снизу донеслись какие-то звуки, словно ребёнок полз по полу, перебирая руками и ногами.

Е Фэн уже собирался призвать духа и броситься вниз, как увидел, что Лу Инцзю, оперевшись одной рукой о перила, легко перепрыгнул через них и помчался вниз.

Лестничные пролёты мелькали под ногами. Вскоре он увидел на ступеньках кровавые пятна, похожие на отпечатки детских ладошек.

Он оказался на предыдущем этаже.

Дверь в квартиру старушки была распахнута, и младенец, весь в крови, полз к ней.

Лицо младенца было синюшным, было ясно, что он мёртв. Во рту виднелись острые зубки, и стоило ему вцепиться в кого-нибудь, он, вероятно, мог бы перегрызть артерию.

Старушка, услышав шум, вышла в коридор.

Мёртвый младенец бросился на неё.

Талисман в руке Лу Инцзю уже готов был сорваться, но он увидел, как старушка подхватила его, крепко прижала к себе и принялась укачивать:

— Ну-ну, малыш, не плачь, бабушка здесь! — Сказав это, она развернулась, заслоня мёртвого младенца собой, и настороженно посмотрела на Лу Инцзю и Е Фэна. — Я же вас просила призрака изгнать, а вы почему моего внука обидели? Уходите скорее! Если не уйдёте, я на вас пожалуюсь!

Е Фэн, спустившись, замер, увидев эту сцену.

А потом он всё понял, и на сердце стало тяжело.

Эта старушка не могла смириться со смертью внука и продолжала обманывать себя.

Видя, что они не уходят, старушка гневно закричала:

— Что стоите?! Уходите! В полицию позвоню! Я сейчас же позвоню в полицию! — С этими словами она полезла за своим маленьким телефоном.

Но ей это не удалось. Вместо этого она вскрикнула.

Маленький бумажный человечек размером с большой палец, незаметно забравшись в её карман, вытащил оттуда телефон и, легко подпрыгивая, вернулся к ногам Лу Инцзю.

Лу Инцзю взял телефон и медленно подошёл к старушке. Та, испугавшись, забилась в угол, крепко прижимая к себе ребёнка.

— Взгляните ещё раз на его лицо, — спокойно сказал Лу Инцзю.

На нём были трупные пятна.

Старушка крепко сжала губы и не двигалась.

Мёртвый младенец в её объятиях скалился на Лу Инцзю, его острые ногти впились в руку старушки, потекла кровь, но она, казалось, совсем не чувствовала боли.

Лу Инцзю беззвучно вздохнул.

Талисман сорвался с его руки и под пронзительный крик старушки точно приклеился ко лбу мёртвого младенца.

В одно мгновение тело младенца рассыпалось, превратившись в пепел, который разлетелся по воздуху. Старушка попыталась его поймать, но, как ни старалась, не смогла удержать ни пылинки.

Она ошеломлённо стояла на месте, а затем, спустя долгое время, обессиленно рухнула на пол.

Она всё вспомнила.

Лу Инцзю помог ей подняться, Е Фэн вовремя подставил стул, чтобы она села.

Под утешения Е Фэна старушка постепенно успокоилась. Она словно постарела на десять лет и не переставая вытирала слёзы.

— Принять смерть действительно тяжело, — сказал Лу Инцзю. — Я тоже это испытал. Соболезную вашей утрате.

Он достал из пачки талисманов один, оберег, положил его в мешочек из парчи и повесил на дверь старушки.

Ароматный мешочек тихонько покачивался на ветру.

Е Фэн подошёл и тихо сказал Лу Инцзю:

— Я сообщил в Общество.

В «Обществе Зелёного Фонаря» были сотрудники, похожие на психологов, которые занимались утешением пострадавших.

Лу Инцзю кивнул.

Когда они приедут, их работа здесь будет закончена.

Уходя, они всё ещё слышали скорбный плач.

Хоть они и занимались изгнанием духов много лет, видели множество трагедий и их чувства

несколько притупились, в такие моменты их сердца всё равно сжимались.

Е Фэн, сев на пассажирское сиденье, усиленно потёр лицо.

— Эх, не хочу об этом думать. Поехали, поехали обедать.

— Угу, — кивнул Лу Инцзю.

Солнце светило ярко, и под его тёплыми лучами настроение постепенно улучшалось.

Е Фэн медленно вёл машину, а Лу Инцзю, откинувшись на спинку сиденья, дремал.

— Кстати, — сказал Е Фэн, не отрываясь от дороги, — мне на днях, возможно, придётся съездить в деревню Юэшань.

— Зачем туда?

— Мой второй дедушка раньше заведовал там санаторием. Вчера староста деревни позвонил, сказал, что на складе нашли какие-то его вещи, просил приехать забрать.

— Твой второй дедушка... — нахмурился Лу Инцзю.

Он не очень хорошо его помнил.

Загорелся красный свет, и машина остановилась.

— Его звали Е Дэюн, я же тебе фотографию показывал! Сейчас найду, — Е Фэн пошарил по карманам, наконец нашёл свой бумажник и открыл его. — Я всегда ношу фотографию с собой...

Он замолчал.

Лу Инцзю, видя, что он долго молчит, взглянул на него.

На старой фотографии Е Фэн был ещё маленьким мальчишкой. Мужчина с сединой в волосах, одетый в белый халат, держал его за руку. На заднем плане виднелись бескрайние горы и белая стена санатория.

Присмотревшись, он вспомнил: Е Фэн действительно показывал ему это фото.

Но сейчас зрачки Е Фэна сузились, словно он увидел на фотографии что-то невероятное.

— Лу Инцзю, посмотри сюда, — сказал он, указывая на шею Е Дэюна. — Мне кажется, или его там что-то душит?

Лу Инцзю внимательно всмотрелся.

Действительно, на шее Е Дэюна виднелось очень бледное, едва заметное чёрное пятно. Оно было настолько неприметным, что если бы Е Фэн не был так хорошо знаком с этой фотографией, он бы никогда его не заметил.

Это чёрное пятно почти полностью обвивало шею Е Дэюна, словно страшная верёвка.

В памяти Лу Инцзю всплыло, что на той фотографии оба выглядели очень расслабленными. Но сейчас мышцы на лице Е Дэюна были напряжены, а само лицо имело синюшный оттенок, словно он испытывал невыносимую боль.

Загорелся зелёный свет, и машины сзади начали сигналить.

Лу Инцзю припарковал машину на обочине.

Е Фэн всё ещё неотрывно смотрел на фотографию.

— Похоже, придётся съездить... — пробормотал он.

Лу Инцзю вернулся домой.

Завтра днём он собирался поехать с Е Фэном в деревню Юэшань, так что сегодня вечером нужно было собрать вещи.

«Дзинь», — лифт прибыл.

Он направился к своей двери и остановился.

Коридор перед его квартирой был ярко освещён. Новая, сияющая лампочка поражала своей яркостью.

Он внимательно осмотрел дверь. Талисманы, которые он наклеил, были в целости и

сохранности.

В этот момент Лу Инцзю засомневался в собственных способностях экзорциста.

— Как я мог столкнуться с таким могущественным призраком?

И стиль этого призрака...

Лу Инцзю нахмурился, снова метнул талисман и разбил лампочку.

Коридор погрузился во тьму.

На этот раз он обклеил стену талисманами, создав непроницаемую сеть, которая должна была не оставить призраку ни единого шанса.

На следующее утро, проснувшись, он первым делом открыл дверь.

Лампочка снова была заменена, а талисманы на стене не были повреждены.

Лу Инцзю: «...?»

Он стоял под этой лампочкой, в полной растерянности.

Талисман сорвался с его руки, и лампочка разлетелась на осколки.

Он сгрёб осколки в сторону и нажал кнопку лифта: на первом этаже его ждала посылка. Внутри была новая бумага, которую, нарезав, можно было использовать для талисманов.

Спустившись и забрав посылку, он почувствовал на коробке слабое колебание энергии талисмана.

Перевернув упаковку, он увидел на дне маленький символ: плывущие облака и горы. Это был оберег.

Символ был напечатан и имел мало силы. Но продавец, очевидно, немного разобрался в экзорцизме и ставил его на каждую упаковку.

Лу Инцзю несколько секунд смотрел на оберег.

Он вспомнил оберег, который вчера дал старушке.

Тогда он сказал: «Принять смерть действительно тяжело. Я тоже это испытал».

Эти слова не были пустым утешением.

Глядя на седую пожилую женщину, он действительно вспомнил прошлое.

Когда умерла Чжуан Сюэ, он тоже не мог в это поверить.

Человек, который утром составлял букеты, вечером превратился в холодное тело.

Лу Инцзю пережил долгий период упадка. Он всё время думал, что если будет усердно изучать техники экзорцизма, то сможет вернуть душу Чжуан Сюэ. Но чем больше он старался, тем яснее понимал, что это невозможно. Усилия приносили ему лишь отчаяние.

В то время Лу Инцзю уже был знаком с Е Фэном.

Е Фэн был на год старше его, не пошёл в старшую школу, а учился экзорцизму в семье Е. Обычно он бездельничал в их районе и мог спать до полудня.

В тот период Е Фэн искренне боялся, что Лу Инцзю что-нибудь с собой сделает. Он каждый день ставил будильник, чтобы с утра пораньше прибежать к его дому и проводить в школу. А после уроков снова заходил за ним, чтобы погулять, поесть, поболтать — в общем, делал всё, чтобы Лу Инцзю не оставался один, постоянно занимая его чем-то.

Прошло много-много времени, прежде чем Лу Инцзю спокойно принял реальность:

Мёртвых не воскресить, всё предрешиено судьбой.

В этом мире у него не осталось родных.

Чжуан Сюэ погибла в автокатастрофе. На руле её велосипеда всё ещё висел оберег, нарисованный Лу Инцзю.

Лу Инцзю был очень рациональным человеком и не стал винить в смерти Чжуан Сюэ то, что «его талисман был недостаточно хорош». Жизнь непредсказуема, и даже талисман, нарисованный самим небесным владыкой, не смог бы предотвратить смерть.

Но после этого он потратил бесчисленное количество дней и ночей на совершенствование, и со временем его обереги стали лучшими в своём роде.

Сейчас, вспоминая об этом, казалось, что прошла целая жизнь.

Лу Инцзю беззвучно усмехнулся, взял посылку и снова поднялся наверх, чтобы дождаться Е Фэна.

Подойдя к своей двери, он снова замер.

Перед ним опять висела целая и невредимая лампочка.

Лу Инцзю считал, что за свою жизнь повидал немало странных вещей.

Но он никогда не видел, чтобы у его двери был призрачный светильник, который каждый раз, когда ломается, тут же чинят!

Лу Инцзю был в крайнем недоумении.

Но в этом недоумении интуиция кричала. Словно в голове персонажа аниме, который всё понял, промелькнула белая вспышка...

И сейчас в его голове была такая же вспышка!

Это... это определённо дело рук Цзин Сяня!

Никакой другой призрак на такое не способен!

Мёртвых не воскресить, время не повернуть вспять, пролитую воду не собрать.

Но изгнанный Цзин Сянь мог, как бумеранг, вернуться сам, быстро и удобно, с поразительной инициативой.

Возможно, по пути он ещё и прихватил для него что-нибудь вкусненькое.

Лу Инцзю с силой потёр переносицу, голова раскалывалась.

Он понял, что талисманами Цзин Сяня не поймать.

Раньше он гадал, кем из известных чиновников был Цзин Сянь. Теперь же казалось, что с такой силой все известные чиновники, скорее всего, у него на побегушках.

Это что же, босс божественных чиновников?

Лу Инцзю отказался от идеи использовать талисманы. Разбив лампочку, он открыл дверь, вынес стул и сел под разбитым светильником.

Талисманы Цзин Сяня не брали.

Зато лампочка брала!

Разбитая лампочка была самой эффективной ловушкой на Цзин Сяня.

Лу Инцзю сидел в коридоре.

И действительно, не прошло и десяти минут, как по коридору пронёсся порыв ледяного призрачного ветра.

Ветер долетел до места, где висела лампочка, и взъерошил волосы Лу Инцзю.

— Цзин Сянь, — позвал он.

Ветер на мгновение замер.

И в этот самый миг Лу Инцзю метнул талисман.

Расчёт времени оказался идеальным. Застигнутый врасплох, противник не успел среагировать, и талисман сработал!

Прямо под светильником стоял Цзин Сянь, держа в одной руке новую лампочку, которую он как раз менял.

Они уставились друг на друга.

Вокруг воцарилась мёртвая тишина.

Прошло неизвестно сколько времени, прежде чем Лу Инцзю, удобно откинувшись на спинку стула, скрестил пальцы.

— Ну, давай, объясняй.

Цзин Сянь: «...»

— Я хотел поменять тебе лампочку, — сказал он. — Но каждый раз, как только я её менял и уходил, кто-то её снова ломал. Совсем уже люди совесть потеряли.

Лу Инцзю: «...» — ему показалось, что его только что отругали.

Он глубоко вздохнул.

— Как ты снова вернулся? Я же тебе сказал, божественным чиновникам не место в мире людей. Быстро возвращайся.

— Не могу, — Цзин Сянь посмотрел на лампочку. — Если я не поменяю лампочку, тут будет темно, это опасно.

Лу Инцзю почувствовал, как у него дёргается бровь.

— Зачем ты меняешь мне лампочку? Или, поставлю вопрос иначе, зачем ты находишься рядом со мной? Ты же сказал, что у тебя нет неисполненных желаний.

Он искренне считал, что у Цзин Сяня какие-то проблемы с головой. Чем он так хорош, чтобы Цзин Сянь упорно оставался в мире людей?

Так обращаются разве что с женой. Чем он заслужил такое?!

Цзин Сянь смотрел на него.

Неизвестно, показалось ли Лу Инцзю, но ему почудилось, что уши Цзин Сяня слегка покраснели.

— Ты будешь говорить? — спросил Лу Инцзю.

Цзин Сянь: «...»

Лу Инцзю снова глубоко вздохнул.

— Цзин Сянь, возвращайся. Сейчас же.

— Я не вернусь, — Цзин Сянь, казалось, наконец решил. Он посмотрел на него горящим взглядом, схватил его за руку и, набравшись смелости, выпалил: — Потому что... потому что

мы ведь супруги! Как я мог бросить тебя одного?!

Лу Инцзю: «...?»

Лу Инцзю: «???»

<http://bllate.org/book/16971/1587698>